ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

М. А. ИТИНА

СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II — НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

При изучении истории человечества на древнейших этапах ее развития, в период господства первобытнообщинного строя, как известно, важнейшим источником является археология. Поэтому не случайно то большое внимание, которое уделяется в нашей науке именно проблемам первобытной археологии.

Развитие работ в этом направлении на территории Средней Азии представляет особый интерес, ибо это область, которая уже с древнейших времен являлась зоной контакта величайших древневосточных цивилизаций с примитивными племенами охотников и рыболовов, а затем с племенами скотоводов и земледельцев северного степного и лесостепного мира. Более того, уже тогда Средняя Азия играла роль посредствующего звена между культурами переднеазиатского мира и культурами таких отдаленных областей, как, например, Западная и Южная Сибирь.

Все эти контакты неизбежно были связаны со сложнейшими этногенетическими процессами, выявлению которых опять-таки могли и должны были способствовать археологи.

Однако эти крупнейшие задачи первобытной археологии Средней Азии были поняты лишь в советское время. Особенного размаха достигли работы в этой области в послевоенный период.

Так, были начаты плодотворные исследования по изучению древнейших памятников земледельческой культуры юго-западной Туркмении; были начаты и успешно продолжаются работы по изучению древнейших земледельческих поселений Ферганы; были сделаны интереснейшие открытия в области истории культуры степных племен Ферганы, южного Узбекистана и Хорезма. Наконец, большие работы по первобытной археологии были начаты в Казахстане — области, которая культурно-исторически теснейшим образом связана со Средней Азией. В итоге накопилось огромное количество фактов, которые требуют широкой интерпретации на большом историческом фоне.

В этом смысле эпоха бронзы дает особо богатый материал, ибо развитие пастушеского скотоводства и металлургии меди и бронзы при неравномерном распределении на территории Средней Азии источников сырья — способствовало развитию обмена, развитию культурных сношений между отдельными племенами, наконец, передвижению отдельных племенных групп на значительные расстояния.

Различные географические условия уже с глубокой древности предопределили различное направление хозяйства древнего населения Средней Азии. На юге, в подгорной полосе развивалась земледельческая культура, теснейшим образом связанная с древнеземледельчески-

ми цивилизациями Передней Азии; к северу от этой области, в степной полосе, бытовала в неолите культура охотников и рыболовов, а позднее, в бронзовом веке, культура племен, занимавшихся пастушеским скотоводством и земледелием, основанном на простейших формах искусственного орошения.

История этих степных племен, наиболее бурные события в которой происходят во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э., и привлекала наше внимание.

Работы в этой области, в течение многих лет ведущиеся Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова, дали множество новых фактов, которые вместе с данными, полученными с сопредельных территорий, проливают свет на историю древнейших насельников среднеазиатских степей.

Изучение Хорезмской экспедицией истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, истории заселения их человеком, позволило установить, что здесь в эпоху бронзы происходили сложные этнокультурные процессы.

Серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. датируется открытая в Южном Приаралье, на территории древней Акча-дарьинской дельты Аму-Дарьи, культура степной бронзы, названная С. П. Толстовым тазабагъябской[1]. Ее носители занимались скотоводством и земледелием, жили в полуземлянках, у них бытовала лепная посуда с характерным геометрическим орнаментом; свои орудия и украшения эти люди изготовляли из меди и бронзы, однако изделия из камня продолжали играть немаловажную роль.

Тазабагъябские стоянки и их инвентарь, равно как и инвентарь тазабагъябского могильника Кокча 3, показывают, что в тазабагъябской культуре очень четко прослеживаются два компонента: срубный и андроновский, последний в его западноказахстанском варианте (Алексеевское поселение и могильник)[2]. Это удается установить по формам и орнаментации сосудов, по бронзовым украшениям, по планировке жилищ, по краниологическим материалам. Все это говорит о каких-то более глубоких процессах, объединявших эти области, чем просто культурные связи.

Начавшееся уже к середине II тысячелетия до н. э. проникновение племен — носителей срубной культуры на север в Среднее Поволжье, встречное движение андроновских племен, приведшее к появлению в обеих культурах элементов той и другой — все это привело к тому, что Среднее Заволжье и Южное Приуралье превратились, видимо, в зону контакта этих племен. Процесс этот подтверждается и данными антропологии — краниологические материалы из Южного Приуралья дают смешанный срубно-андроновский тип[3]. В последнее время получены новые доказательства проникновения волжан в район Актюбинска. Мы имеем в виду раскопки В. С. Сорокина на могильнике Тасты-Бутак I.

[1] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—67; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 76—77; его же, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.), «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 36—42; М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 1, М., 1959, стр. 52—69; ее же, Первобытная керамика Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 5—62; ее же, Раскопки стоянок тазабагъябской культуры Ангка 5 и Кават 3 в 1957 г., Материалы Хорезмской экспедиции, в. 4, М., 1960, стр. 82—103; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», Материалы Хорезмской экспедиции, в. 3, М., 1960, стр. 89—118; «Могильник бронзового века Кокча 3», Материалы Хорезмской экспедиции, в. 5, М., 1961.

[2] О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. исторического музея, XVII, М., 1948.

[3] Т. А. Трофимова, Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья, Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951, стр. 97—110.

Там были обнаружены черепа, принадлежащие к европеоидному антропологическому типу, имеющему много общего с типом носителей срубной культуры[4]. Интересно, что при этом облик материальной культуры могильника в основном андроновский[5]. Таким образом, Оренбургские степи были зоной смешения андроновской и срубной культур, причем в активные контакты вступали отдельные племенные группы.

В некоторых случаях пришельцы воспринимали культуру аборигенов, как это было в Тасты-Бутаке, а в других формировалась культура, содержащая черты и срубной, и андроновской. В чем причина доминирования той или иной культуры в данном комплексе — сказать трудно, однако совершенно прав, на наш взгляд, К. Ф. Смирнов, который делает попытку выделить отдельные культуры андроновского типа как культуры отдельных племенных групп, используя в качестве одного из признаков наличие в них в большей дозе срубных или андроновских признаков[6]. Наличие в тазабагъябской культуре срубных и андроновских черт дает нам основание высказать предположение о пришлом характере тазабагъябского населения Хорезма и о вероятном формировании тазабагъябской культуры именно в указанной зоне контакта срубной и андроновской культур.

О сходстве керамического материала эпохи бронзы из степей Среднего Поволжья и Западного Казахстана с хорезмийским не раз писал И. В. Синицын[7]. Очень явно прослеживается в тазабагъябской культуре срубный компонент, что особенно четко проявляется в сходных типах украшений[8]. Наконец, не случайно и сходство керамики тазабагъябской культуры с материалом из Алексеевки, который, в свою очередь, содержит множество срубных черт[9]. Интересные факты дает и антропологический материал.

В своих последних работах Т. А. Трофимова[10] четко выделяет среди краниологических материалов могильника Кокча 3 смешанный срубно-андроновский тип, причем характерно, что в целом эти черепа ближе к черепам срубных погребений из Нижнего Поволжья, чем к андроновским. То, что процесс смешения этих срубных и андроновских племенных групп имеет в данном случае некоторую давность, подчеркивается отсутствием здесь типично срубных или типично андроновских черепов. (Лишь погребение 77 дает четко выраженный андроновский тип.)

Итак, по нашему предположению, в середине II тысячелетия до н. э. в степях Южного Приаралья появились пришельцы с северо-запада. Возникает вопрос, не шло ли проникновение племен — носителей тазабагъябской культуры — в южный Хорезм через Восточное Приаралье и далее к югу по древней Акча-дарьинской дельте. В Северной Акчадарьинской дельте были обнаружены несколько стоянок и целый ряд

[4] В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, «Сборник Музея антропологии и этнографии», XVIII, 1958, стр. 436.

[5] В. С. Сорокин, Могильник Тасты-Бутак I (раскопки 1956—1957 гг.), Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (КСИИМК), 80, 1960, стр. 53—59.

[6] К. Ф. Смирнов, Проблема происхождения ранних сарматов, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 9.

[7] И. В. Синицын, Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, «Сов. археология», XI, 1949, стр. 195—224; его же, Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан), КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 101—112.

[8] М. А. Итина, Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, 1961, стр. 75—82.

[9] О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб., стр. 129.

[10] Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 14—15; ее же, Основные проблемы палеоантропологии Хорезма, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 2, 1959, стр. 24—29; ее же, Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии, «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 112; ее же, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 5, 1961, стр. 139—140, 143.

отдельных находок, относящихся к тазабагъябской культуре [11], но, судя по всему, табазагъябские племена осели в Южной дельте, где и концентрируются основные памятники этой культуры.

Маршрутные исследования на древних руслах Сыр-Дарьи, проводимые под руководством С. П. Толстова, позволили установить, что восточной границей распространения стоянок тазабагъябской культуры являются крайние восточные протоки Северной Акча-дарьинской дельты в зоне соприкосновения их с одним из древнейших протоков Сыр-Дарьи — Инкар-Дарьей в ее нижнем течении [12]. Далее к юго-востоку, на среднем течении Инкар-Дарьи, мы встречаем стоянки с типичным андроновским материалом, а в пользу устойчивости в этих районах андроновской традиции говорит материал могильника на возвышенности Тагискен, открытого во время маршрута 1959 г. [13]. Могильник датируется уже началом I тысячелетия до н. э., но в его керамических комплексах мы встречаем сосуды, бесспорно восходящие к андроновским типам.

Если, говоря о генезисе тазабагъябской культуры, мы специально отмечаем наличие в ней тех или иных срубных или андроновских черт, это вовсе не значит, что тазабагъябская культура является просто вариантом одной из указанных культур.

Тазабагъябская культура, исследованная в Южном Приаралье,— вполне самостоятельная культура степной бронзы, которая в своем развитии на данной территории впитала в себя множество компонентов. Ее носители, появившись в Южной Акча-дарьинской дельте в середине II тысячелетия до н. э., нашли эту территорию уже заселенной суярганскими племенами, культура которых имела иной облик и вела свое происхождение из более южных областей [14]. Кроме того, весьма возможно, что здесь, на территории южного Хорезма, в те времена еще наблюдались отдельные, уже почти забытые отголоски кельтеминарской культурной традиции, которые при анализе тазабагъябских памятников уловить уже не удается. В этом смысле большой интерес представляет тот факт, что среди черепов могильника Кокча 3 был встречен и южный дравидоидный тип [15], который, возможно, был представлен среди суярганского населения Хорезма второй половины II тысячелетия до н. э.

Однако открытые А. А. Марущенко и исследованные Т. А. Трофимовой черепа из Монжуклы-тепе (крайний юго-восток Каакхинского района, южная Туркмения) позволили по-новому отнестись к появлению индо-дравидоидного типа на территории Хорезма. Черепа эти датируются временем не позднее IV тысячелетия до н. э. и среди них есть один бесспорно дравидоидный. Это обстоятельство дало основание Т. А. Трофимовой высказать предположение о возможности появления в Хорезме индо-дравидоидного типа еще в эпоху господства кельтеминарской культуры, причем носители последней, по ее же мнению, могли по своему антропологическому составу быть близки суярганским племенам [16]. Как бы то ни было, но в свете предположения о вероятном южном происхождении кельтеминарской культуры [17] эта гипотеза заслуживает пристального внимания.

[11] «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой...», стр. 115—118.

[12] С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи), «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 116—117, 119.

[13] Там же, стр. 141.

[14] С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 14—35.

[15] Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, М. 1961, стр. 139—141, 143—145.

[16] Там же, стр. 145, прим. 54.

[17] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 25—45; см. также: В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 47—48.

Таким образом, происшедшие на территории Южного Приаралья сложные этно-культурные процессы заставляют нас рассматривать древних тазабагъябцев как совершенно самостоятельную племенную группу, которая ко второй половине II тысячелетия до н. э. уже вполне сформировалась и приобрела собственные, характерные именно для нее черты. И очень может быть, что столь смешанный состав населения Хорезма в эпоху бронзы явился причиной того, что андроновский компонент в антропологическом типе населения Хорезма античного времени, по заключению Т. А. Трофимовой [18], играл незначительную роль, в то время как в Казахстане, где культуры андроновского типа в эпоху бронзы господствовали, он был, по мнению В. В. Гинзбурга [19], основным при формировании типа Среднеазиатского Междуречья.

Широкое распространение андроновской культуры в степях Казахстана относится к интересующему нас времени, т. е. ко второй половине II тысячелетия до н. э., причем некоторые исследователи включают в границы ее распространения все памятники степной бронзы Средней Азии, в том числе и памятники тазабагьябской культуры Южного Приаралья [20].

Не затрагивая вопроса о происхождении андроновской культуры, заметим, что на данном уровне наших знаний, по нашему мнению, уже нет оснований рассматривать эту культуру как какой-то огромный единый культурный пласт, а различия в культуре отдельных областей ее распространения — как чисто локальные, не меняющие картины в целом. Вероятнее всего, что мы имеем здесь дело с целым рядом культур степной бронзы, кажущееся единообразие которых связано со сходными для этих культур экономическими и географическими условиями, порождающими сходство в материальной культуре. Ведь совершенно очевидно, что памятники андроновской культуры Северного Казахстана отличаются от центральноказахстанских и восточноказахстанских, причем и последние две области между собой дают отличия в культуре.

Вспомним, что было время, когда все культуры «крашеной керамики» считались единой культурой. И ведь не случайно, что накопление знаний в этой области привело к выявлению из этого огромного культурного пласта целого ряда культур. Нам нет нужды ходить далеко за примерами: ведь сейчас для всех очевидна правильность выделения для территории Ферганы земледельческой культуры типа Чуста в отличие от культур типа Анау или Намазга в юго-западной Туркмении. Нам кажется, что специалистам по степной бронзе Казахстана следовало бы пересмотреть свои позиции в отношении андроновской культуры.

О находках в южных, юго-западных и юго-восточных областях Средней Азии грубой лепной керамики с резным геометрическим орнаментом мы знаем уже давно. Если раньше, когда находки такого рода были единичны, речь могла идти лишь о культурных связях между населением степной полосы Средней Азии и жителями ее южных подгорных районов, то теперь можно ставить вопрос о каком-то передвижении степных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. в южном направлении.

---

[18] Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 2, 1959, стр. 71.

[19] В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, Труды Ин-та этнографии, новая серия, XVI, 1951, стр. 371 и сл.

[20] Мы эту точку зрения, которую и сейчас поддерживают, например, М. П. Грязнов, Б. А. Латынин, С. С. Черников, не разделяем. Наиболее крайнее свое выражение она нашла в карте, опубликованной С. С. Черниковым, и в «Списке поселений и могильников андроновской культуры», опубликованном им же. (См.: С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, Материалы и исследования по археологии СССР, 88, 1960, стр. 110, рис. 20 (вклейка); стр. 156—159).

До недавнего времени все указанные находки расценивались как безусловное доказательство широкого распространения андроновской культуры на всей огромной территории среднеазиатских степей, но открытие и исследование тазабагъябской культуры дало возможность дифференцировать эти находки и отнести многие из них к последней.

Тазабагъябская керамика была встречена, помимо территорий Акчадарьинской дельты, в районе древней Присарыкамышской дельты Аму-Дарьи и на Узбое[21]. Известны развеянные стоянки с подобной керамикой и в песках в районе г. Ашхабада[22].

К тазабагъябской культуре может быть, бесспорно, отнесена керамика из могильника Заман-Баба 2 на сухом русле Зеравшана — Махан-Дарья и из поселений в районе сухого русла Гурдуш[23]. Известны находки керамики тазабагъябского типа в окрестностях Ташкента[24]. Более того, керамика тазабагъябского типа была обнаружена в керамических материалах ряда южных земледельческих поселений: в слое Намазга VI на Намазга-тепе[25], на Теккем-тепе[26], на поселениях Тахирбай 3 и Аучин-тепе в дельте Мургаба[27].

Судя по этим находкам, движение степных племен шло по водным путям. Кстати, может быть, и находки в дельте Мургаба связаны с ее освоением не только южными земледельческими племенами — носителями культуры типа Намазга VI, но и племенами скотоводческо-земледельческими, носителями тазабагъябской культуры, пришедшими сюда в конце II тысячелетия до н. э.

Некоторые наиболее ранние комплексы на недавно открытых стоянках степной бронзы в Кайрак-Кумах на Сыр-Дарье (Фергана) дают керамический материал, о котором исследовавший его Б. А. Литвинский пишет, что он близок к материалу тазабагъябской культуры, и датирует его последней четвертью II тысячелетия до н. э.[28].

Археологические исследования Хорезмской экспедиции последних лет дали возможность наметить продвижение степных племен на юг и несколько позднее, на рубеже II и I тысячелетия до н. э.

Дело в том, что еще в начале II тысячелетия до н. э. в низовьях Аму-Дарьи имел место обратный процесс — приход из южных земледельческих областей Средней Азии суярганских племен[29]. Именно с этим

---

[21] О находках на Узбое см.: С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1957, стр. 52; М. А. Итина, Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, там же.

[22] А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, «Вестник древней истории», 1946, № 3, стр. 186.

[23] Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР, в. VIII, Ташкент, 1956, стр. 151, 156.

[24] Т. Г. Оболдуева, *Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области*, КСИИМК, 59, М., 1955, стр. 148, рис. 62.

[25] В. М. Массон, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 312.

[26] А. Ф. Ганялин, Теккем-тепе, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 84—86.

[27] В. М. Массон, Первобытнообщинный строй на территории Туркмении, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, стр. 251; его же, Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, 64, 1956, стр. 62; его же, Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, 69, 1957, стр. 59, рис. 19; его же, Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и исследования по археологии СССР, 73, 1959, стр. 116—117, 179, табл. XI.

[28] Б. А. Литвинский, *Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г.*, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XCI, Сталинабад, 1959, стр. 46.

[29] С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

населением, как мы уже говорили, столкнулись тазабагъябские племена, появившиеся в Южном Приаралье в середине II тысячелетия до н. э. Археологические данные свидетельствуют о сосуществовании этих племен на данной территории и о наличии между ними тесных контактов.

Однако к концу II тысячелетия до н. э. суярганская культура (но уже на ее позднем, каундинском этапе) становится здесь доминирующей. Население суярганских поселений было более многочисленным, чем на тазабагъябских стоянках, площадь поселения Каунды 1, например, равна уже 250×150 *м*. Меняется и облик самой культуры. Резко выступают типично суярганские черты, тазабагъябские почти исчезают. Это особенно видно на керамическом материале. Сосуды обычно короткогорлые с довольно сильно раздутым туловом и плоским дном. Орнамент встречается реже и располагается в большинстве случаев лишь в верхней трети горшков. Довольно часто горло опоясано рельефным пояском. Одной из особенностей этих комплексов является наличие в них открытых горшков типа мисок, изготовленных из хорошо отмученной глины, прекрасно обожженных и имеющих лощеную поверхность. Среди этих мисок встречаются и сероглиняные.

Население пользовалось орудиями из бронзы. Развивается земледельческое хозяйство, которое базируется уже на более совершенной системе орошения, продолжает, видимо, развиваться скотоводство.

Завершающий этап развития суярганской культуры демонстрирует амирабадская культура, датируемая IX—VIII вв. до н. э. Наиболее крупное из известных нам поселений этой культуры — поселение Яккепарсан 2, на котором с 1958 г. ведутся раскопки[30]. Это — большая деревня с двумя рядами домов и развитой ирригационной сетью. Жители ее селились в полуземлянках, пользовались орудиями из бронзы, которые, судя по находкам литейных форм, изготовляли на месте, делали посуду, которая имеет ряд черт, сближающих ее с суярганскими комплексами. Но это, несомненно, уже новый, более высокий этап в развитии суярганской культуры, и им, видимо, и завершается эпоха бронзы в Хорезме.

За последние годы в южных районах Средней Азии были сделаны находки, свидетельствующие о появлении там степных племен уже в более позднее время — в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Это движение степных племен А. А. Марущенко, вслед за Р. Пампелли и Г. Шмидтом, относит к «эпохе варварской оккупации», а культуру этих племен связывает с позднесуярганской[31]. К памятникам с находками такого рода относятся Яшелли-тепе, близ ст. Гуярс[32], Елькен-тепе у ст. Каушут (слой ЕД II)[33], Яссы-тепе у Душака[34], селище Койне-Кала

---

[30] С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., Материалы Хорезмской экспедиции, в. 4, 1960. стр. 5—8; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой...» стр. 134—135.

[31] А. А. Марущенко, Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 173—174, сноска 1. Говоря о сходстве керамики яшеллинского типа с суярганской, А. А. Марущенко полемизирует с С. П. Толстовым по поводу даты суярганской культуры, полагая, что ее следует относить к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Он совершенно прав, поскольку привлекает для аналогии материал каундинского этапа суярганской культуры, что же касается камышлинского (раннесуярганского) комплекса, то его более ранняя датировка бесспорна.

[32] А. А. Марущенко, Указ. раб., стр. 173.

[33] А. А. Марущенко, Елькен-тепе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. V, 1959, стр. 62—65 и др.; В. М. Массон, Первобытнообщинный строй на территории Туркмении, стр. 252.

[34] С. А. Ершов, Холм Яссы-тепе 2 (раскопки 1952 г.), Известия АН Туркменской ССР, 1952, № 6.

(Бахарденский р-н) [35], керамику позднесуярганского типа дает и небольшая коллекция с Аучин-тепе [36]. На раскопанном В. М. Массоном поселении Яз-тепе в дельте Мургаба был выделен слой Яз 1 (900—650 гг. до н. э.), давший керамику, сходную с посудой из слоя «эпохи варварской оккупации» Южного холма в Анау [37]. Керамика из слоя Яз 1 отличается сравнительной грубостью изготовления, и хотя она подчас покрыта росписью, мотивы росписи и принцип ее расположения сближают эту посуду с образцами культуры степной бронзы [38]. Сходные с интересующими нас формами дают некоторые сосуды с североатрекских памятников типа Мадау [39].

Все это земледельческие поселения, в материале которых, наряду с очень сильной южноземледельческой культурной традицией, проявляются и черты, характерные для культур степной бронзы. При этом характерно, что все эти памятники демонстрируют явное огрубение, варваризацию культуры, по сравнению с предшествующей эпохой.

В этот же круг памятников входят и поселения типа Чуста и Дальверзина в Фергане, которые датируются Ю. А. Заднепровским XIII—IX вв. до н. э. и, по его мнению, находят себе подчас очень близкие аналогии в материалах такого памятника, как Елькен-тепе. Однако для Ферганы уловить момент огрубения земледельческой культуры трудно. Во-первых, мы не знаем культуры, предшествующей культуре Чуста, а во-вторых, в непосредственной близости от них существуют такие типичные памятники степной бронзы, как кайрак-кумские стоянки и ряд могильников, из которых лучше других исследован Вуадильский [40]. Как бы то ни было, наличие в Ферганской долине в сходных условиях памятников степной бронзы наряду с такими типично земледельческими поселениями с крашеной керамикой, как Чуст и Дальверзин, еще раз подтверждает наше предположение о проникновении в эти районы во второй половине II тысячелетия до н. э. степных племен из Среднеазиатского Междуречья [41]. Любопытно, что, наряду со средиземноморским, черепа из Вуадиля (исследованы В. В. Гинзбургом) дают наличие андроновского типа, но уже в смешанном виде [42].

Такое огрубение культуры южных земледельческих областей дало повод А. А. Марущенко сделать вывод, что «захват этими племенами (скотоводческими, родственными тазабагъябским и заманбабинским Нижнего Зеравшана.— *М. И.*) земледельческой территории ведет к гибели старой культуры и возникновению новой, варварской — ЕД II» [43]

[35] А. А. Марущенко, Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад 1956, стр. 6—7; его же, Старый Сарахс, стр. 173, сноска 3.

[36] Пользуемся случаем выразить благодарность В. М. Массону за любезно предоставленную нам возможность познакомиться с этой керамикой.

[37] В. М. Массон, Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, 64, 1956, стр. 64—65.

[38] В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 121; при этом В. М. Массон подчеркивает, что указанные аналогии на формы посуды не распространяются.

[39] В. М. Массон, Археологические работы на Мисрианской равнине, КСИИМК, 69, 1957, стр. 69, рис. 23, правый крайний ряд; его же, Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, стр. 410, рис. 25, *5*.

[40] Б. З. Гамбург и Н. Б. Горбунова, Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 132, рис. 3, *1, 11, 19*.

[41] Пришлый характер культуры Вуадиля и Кайрак-Кумов отмечает и В. М. Массон (см.: В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 53).

[42] В. В. Гинзбург, Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников, КСИИМК, 1957, стр. 91—92; его же, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., 1956, стр. 86—97, 94—95.

[43] А. А. Марущенко, Елькен-тепе, стр. 70.

(Елькен-тепе II.— *М. И.*). Эта крайняя точка зрения не была поддержана В. М. Массоном, который полагает, что, если по материалам слоя Яз 1 и наблюдается явное огрубение культуры, то это еще не доказывает гибели культуры предшествующего времени, тем более, что между керамикой типа Яз 1 и Намазга VI можно усмотреть определенную эволюционную связь[44]. Нам представляется, что в данном случае прав В. М. Массон и что вряд ли верно рассматривать результаты крупных племенных передвижений эпохи бронзы как результаты завоевательных походов более позднего времени. Мы имеем немало примеров взаимопроникновения одних племенных групп на территорию других (срубные и андроновские племена, тазабагъябские и суярганские и т. д.) и ни в одном случае мы не можем сказать, что происходила резкая смена культур. Вероятнее всего, происходил постепенный процесс ассимиляции, в ряде случаев пришельцы воспринимали в конце концов культуру аборигенов, а иногда постепенно вытесняли ее, но не сразу и не окончательно.

Однако, если мы не принимаем тезиса о гибели культуры, то самый факт крупных передвижений степных племен на юг на протяжении второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. для нас бесспорен. Археологические материалы позволяют зафиксировать продвижение этих северных скотоводческих племен по руслам таких рек, как Узбой, Атрек, Теджен, Мургаб, Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Здесь мы никак не можем согласиться с В. М. Массоном, который ставит этот тезис под сомнение, считая, что археологических доказательств продвижения культуры степной бронзы с севера на юг у нас нет[45]. И далее он пишет: «Обнаружение соответствующих памятников первоначально в Сибири и Казахстане, а затем лишь в Средней Азии еще не доказывает этого. Наоборот, есть все основания полагать, что культурные влияния шли в обратном направлении с юга на север»[46]. Помимо ряда археологических фактов, количество которых все время увеличивается, мы имеем данные антропологии, которая фиксирует широкое продвижение так называемого андроновского типа на юг, появление в Средней Азии смешанного срубно-андроновского типа, и лишь предполагает возможность проникновения в северные степные области Средней Азии долихокранного восточно-средиземноморского типа, столь широко распространенного в эпоху энеолита и бронзы в южных областях Средней Азии.

Кроме того, удивляет сама постановка вопроса. Ну кто же станет спорить о том, что южные влияния, и не только влияния, действительно имели место на протяжении истории тех же среднеазиатских племен в древности. Но ведь нельзя серьезно говорить, что эти процессы были односторонними. Так, для интересующего нас времени, т. е. для конца II — начала I тысячелетия до н. э., когда мы фиксируем появление степных племен на юге Средней Азии, в низовьях Сыр-Дарьи, в Казахстане, мы имеем уже упоминавшийся нами выше могильник Тагискен, который дает необычайно интересный археологический комплекс. С одной стороны, это типичный дандыбаевско-бегазинский материал с очень сильными андроновскими реминисценциями, проявляющимися не только в керамике, но и в элементах погребального ритуала. Таким образом, налицо элементы, свидетельствующие о местном происхождении этой культуры. С другой стороны, в этой культуре отчетливо проступают черты, сближающие ее с южными цивилизациями. Люди, хоронившие своих покойников в Тагискене, строили для них великолепные мавзолеи из прямоугольного сырцового кирпича, причем тех стандартов, которые издавна существовали на земледельческом юге. Они же изготовляли великолепные сосуды совершенно неизвестных

[44] В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 120—121.
[45] Там же, стр. 121.
[46] Там же.

для этих мест форм и притом на гончарном круге. А в целом — это одна культура, и это еще один довод в пользу тезиса о возможности мирных сношений и глубоких взаимовлияний различных племенных групп друг на друга.

Совершенно очевидно, что контакты между северными, степными, и южными, земледельческими, племенами сыграли огромную роль в этнической истории среднеазиатских народов.

С. П. Толстовым было высказано мнение, что контакты между носителями культуры «крашеной керамики» и носителями сначала охотничье-рыболовной, а затем скотоводческо-земледельческой культуры евразийского севера явились одной из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности [47].

Он же высказал предположение о том, что появление в Хорезме в середине II тысячелетия до н. э. племен — носителей тазабагъябской культуры может быть, видимо, связано с «...первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада» [48]. Предположение об индоевропейской принадлежности среднеазиатских (включая и Казахстан) племен культуры степной бронзы и о возможном отождествлении последних с легендарными ариями, якобы завоевавшими Индию во второй половине II тысячелетия до н. э., высказывалось целым рядом исследователей [49].

Учитывая все вышеизложенное, С. П. Толстов и автор настоящей статьи сочли возможным вновь поставить вопрос о путях проникновения индоиранских племен на территорию Афганистана и Индии [50].

Конец великих цивилизаций Мохенджо-Даро и Хараппы, датируемый сейчас большинством исследователей 1600—1500 гг. до н. э., является в то же время началом нового периода в истории древней Индии, называемого «темным веком» («Dark age»). Этот период датируется серединой II тысячелетия до н. э.— III в. до н. э. и археологически характеризуется появлением совершенно новых культур, создание которых приписывается ариям — племенам-завоевателям, будто бы разрушившим древние цивилизации долины Инда.

За последние годы индийскими археологами исследован целый ряд памятников, содержащих послехараппские слои, но поиски культуры, которая с достаточным основанием могла бы быть приписана индоевропейским «завоевателям», остаются, на наш взгляд, безуспешными. Сейчас существует точка зрения, приписывающая ариям культуру «серой керамики», но, во-первых, она является спорной, а во-вторых, это уже, видимо, явление второго порядка, т. е. эта культура развилась уже на индийской почве. Наиболее четкую стратиграфическую картину, демонстрирующую появление, в частности, в долине Инда новых культур, дают верхние слои Чанху-Даро [51]. Оба эти слоя оставлены людьми, жившими уже на развалинах города времени Хараппы.

---

[47] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 68.

[48] С. П. Толстов, *Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*, стр. 41.

[49] А. Н. Бернштам, Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа, Фрунзе, 1954, стр. 4; его же, Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности, Краткие сообщения Ин-та этнографии, XXVI, 1957, стр. 19; И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 124 примечание 5; С. В. Киселев, Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 41; В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 54; его же, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 116—121. Следует заметить, что почти все указанные авторы имеют в виду андроновские племена и лишь С. В. Киселев пишет об андроновско-тазабагъябском расселении.

[50] С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, стр. 34—35.

[51] E. Mackay, Chanhu-Daro Excavations, 1935—1936, New Haven, 1943, стр. 132—133.

Первый из этих слоев, слой Джукар (Jhukar) демонстрирует, может быть, приход в долину Инда племен из Белуджистана, племен земледельческих, в культуре которых, однако, имеются определенные черты сходства с памятниками бронзового века Ирана и Южной Туркмении. (эпоха Намазга VI) [52].

Второй из этих слоев, т. е. самый верхний слой Чанху-Даро, слой Джангар (Jhangar) дает материал, свидетельствующий о появлении здесь степных племен.

В этом слое найдена керамика из серой глины, сформованная на круге медленного вращения, лощеная, несложных форм и с типичным для степной бронзы резным орнаментом в виде пояса заштрихованных треугольников, ломаных линий и т. д. [53]. Такая же керамика была найдена раньше в местечке Джангар (Синд) [54], которое и дало имя этой культуре, но там она стратиграфически так четко не увязывалась. Трудность в датировке этой культуры связана с тем, что здесь, кроме керамики, ничего не найдено. Пигготт датирует эту культуру не ранее, чем последними веками I тысячелетия до н. э. [55], однако нам представляется, по аналогии с переднеазиатскими и среднеазиатскими материалами, что речь может идти скорее о начале I тысячелетия до н. э.

Как и в Средней Азии, где нам удалось проследить два этапа продвижения степных племен на юг, в Индии предполагают появление еще одной группы пришельцев с северо-запада где-то на рубеже II и I тысячелетий до н. э. [56]

Очень важно отметить, что в культуре племен послехараппского времени прослеживаются традиции и земледельческих, и степных культур эпохи бронзы, что вполне естественно, если предположить, что пришли они сюда с северо-запада, по долинам Герируда и Гильменда, из зоны контакта степняков-скотоводов и земледельцев.

Очень может быть, что культура Джангар отражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры «эпохи варварской оккупации», следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья. Вероятно, в Индии черты этой культуры будут проявляться слабее, но все же дальнейшие судьбы этих степных племен могут быть прослежены только при том условии, если в пограничных районах Афганистана и Ирана, равно как и в Северной Индии, будут вестись археологические работы в этом направлении.

И только скрупулезные археологические исследования, охватывающие большие территории, смогут дать искомые результаты, так как, конечно, речь может идти не о завоевании и, соответственно, полной смене культур, а о постепенном просачивании на территорию Северо-западной Индии индоевропейских племен [57]. Процесс этот был длительным и захватывал, вероятно, всю вторую половину II тысячелетия до н. э. При этом здесь происходили те же процессы, которые мы имели возможность наблюдать на среднеазиатском материале,— ассимиляции, культурных заимствований и т. д. И, конечно, трудно будет выделить элементы

---

[52] В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 119.

[53] E. Mackay, Указ. раб., стр. 132—133; табл. XXXIX, XL.

[54] N. G. Majumdar, Explorations in Sind, Memories of Archaeological Survey of India, т. 48, 1934.

[55] S. Piggott, Prehistoric India to 100 B. C., London, 1950, стр. 227.

[56] Там же, стр. 240.

[57] Эта точка зрения высказывалась в советской литературе рядом авторов. См., например: Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт, К вопросу о конце цивилизации Хараппы, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 209, 211; В. М. Массон, рец. на кн. W. A. Fairservis, Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan, «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 352; Г. М. Бонгард-Левин, *Хараппская цивилизация и «арийская проблема»*, «Сов. этнография», 1962, № 1, стр. 44; Г. Ф. Ильин, Арийское завоевание Индии, Сов. историческая энциклопедия, т. 1, М., 1962, стр. 727—728, и др.

культуры, характерные для пришельцев, если брать в расчет только памятники или слои послехараппского времени, не учитывая их предысторию и ограничивая эти исследования территориально.

На проходившей в декабре 1961 г. в Дели Международной конференции по археологии Азии вопросу падения цивилизации Хараппы и поискам культуры пришельцев — ариев было уделено много внимания. В докладе индийского археолога Рея «Индоарийцы и их материальная культура» [58] была подчеркнута та же мысль, что и высказанная нами. Он считает, что индо-арийцы, появившись в Индии, жили, видимо, приспособляясь к местным условиям и воспринимая элементы местной материальной культуры. Поэтому до сих пор не найдены остатки их культуры, элементы которой, по мнению Рея, могут быть выявлены лишь путем тщательного изучения синхронных культур окружающих территорий и сопоставления их с индийскими культурами. Дальнейшие археологические работы на территории Индии и сопредельных стран должны пролить свет на решение этой интереснейшей проблемы.

Мы полагаем, что рассмотренный нами материал по истории среднеазиатских степных племен в эпоху развитой и поздней бронзы и активно идущий процесс его накопления, связанный с большим размахом археологических работ на территории Средней Азии, дает основание рассматривать эту проблему уже с многих точек зрения, а главное, вносит некоторую ясность в понимание той большой исторической роли, которую играли степные племена Средней Азии эпохи бронзы во всемирно-историческом процессе.

SUMMARY

The progress of research in the field of prehistoric archaeology of Central Asia achieved in the Soviet period made it possible to reconstruct the history of ancient Central Asian population.

The different geographical conditions had since most ancient times predetermined the various trends of economy of the ancient population in Central Asia. Agricultural techniques closely connected with the ancient agricultural civilizations of the Near East developed in the south, in the foothills area. North of that region, in the steppe area, there prevailed in the Neolithic Age the culture of hunters and fishermen, and later, in the Bronze Age, the culture of tribes which combined in their economy nomadic cattle breeding with rudiments of agriculture. This article is devoted to the history of those steppe tribes which was especially eventful in the later part of the second — the beginning of the first millennia B. C.

A study by the Khorezm expedition of the history of the ancient Amu Darya and Syr Darya river beds and the history of their population has made it possible to establish that a complex ethno-cultural progress took place there in the Bronze Age. The study of the so-called Tazabagyab and Suyargan culture of Khorezmian Bronze Age made it possible to raise the question about some southward migrations of steppe tribes in the later part of the second millennium B. C. and at the turn of second and the first millennia B. C.

Archaeological data indicate that the migration of those northern cattle-breeding tribes took place along the beds of such rivers as the Uzboy, Atrek, Tedjen, Murghab, Amu Darya and Syr Darya.

The hypothesis about the Indo-European origin of the tribes of the steppe bronze culture, the archaeological evidence of their appearance in the south of Central Asia in the above mentioned period—all that made it possible for S. P. Tolstov and the author of this article to raise again the question regarding the ways of penetration of Indo-Iranian tribes into the territory of Afghanistan and India. It is quite possible that for India the post Harappian Jhangar culture reflects the subsequent fate of the Central Asian culture of the «barbarian occupation» period whose traces have now been found in a great number of monuments along the northern boundaries of the Iranian plateau.

[58] S. C Ray, Indo-Arians and their early culture. Благодаря любезности С. П. Толстова, участвовавшего в работах Конференции, мы могли познакомиться с тезисами этого доклада.

М. А. Итина

СРЕДНЯЯ АЗИЯ НА КАРТЕ СТРАЛЕНБЕРГА

Дельты двух великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи человек заселил еще в глубокой древности, ибо в условиях аридной зоны они были наиболее благоприятными для жизни: здесь были многочисленные крупные и мелкие протоки со старицами и тихими заводями.

Таким образом, вся многотысячелетняя история племен и народов, населявших южное, юго-восточное и восточное Приаралье, теснейшим образом связана с историей функционирования амударьинских и сырдарьинских дельтовых протоков.

Комплексный метод исследования этих районов археологами, геоморфологами и почвоведами, широкое использование данных аэрофотосъемки, специальная археологическая крупномасштабная аэрофотосъемка отдельных исторических памятников, и, конечно, тщательное картографирование последних — все это позволило Хорезмской археолого-этнографической экспедиции наметить этапы функционирования и освоения человеком древних дельт Амударьи и Сырдарьи в различные исторические периоды.

Именно эти работы привели к открытию огромных массивов земель древнего орошения, повторное освоение которых ведется в настоящее время.

Древние дельты Амударьи и в географическом и в историческом аспектах изучены лучше, чем сырдарьинские [1].

Удалось установить, что Амударья задолго до появления человека образовала две дельты — Присарыкамышскую и Акчадарьинскую. По Присарыкамышской дельте амударьинские воды попадали в Сарыкамышское озеро, а оттуда по р. Узбой, пересекавшей Каракумы, изливались в Каспийское море. По Акчадарьинской дельте, расположенной восточнее современной, шел сток Амударьи в Аральское море. Современная Приаральская дельта сформировалась, видимо, довольно поздно, в начале I тысячелетия до н. э. Все три дельты тесно взаимосвязаны, т. е. активизация действия одной из них неизбежно вызывала затухание других. Поэтому в различные исторические периоды люди осваивали в основном ту дельтовую область, по которой шел основной сток амударьинских вод. Древняя Акчадарьинская дельта (ныне это — система сухих русел) функционировала наиболее активно в эпоху бронзы: именно тогда по ней шел сток в Арал. Течение амударьинских вод по ее протокам прекратилось не позднее середины I тысячелетия до н. э., т. е. когда начала уже действовать Приаральская дельта.

Участвуя в разработке всей этой проблематики и занимаясь специально историей Акчадарьи, я обратила внимание на опубликованную в

[1] См.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

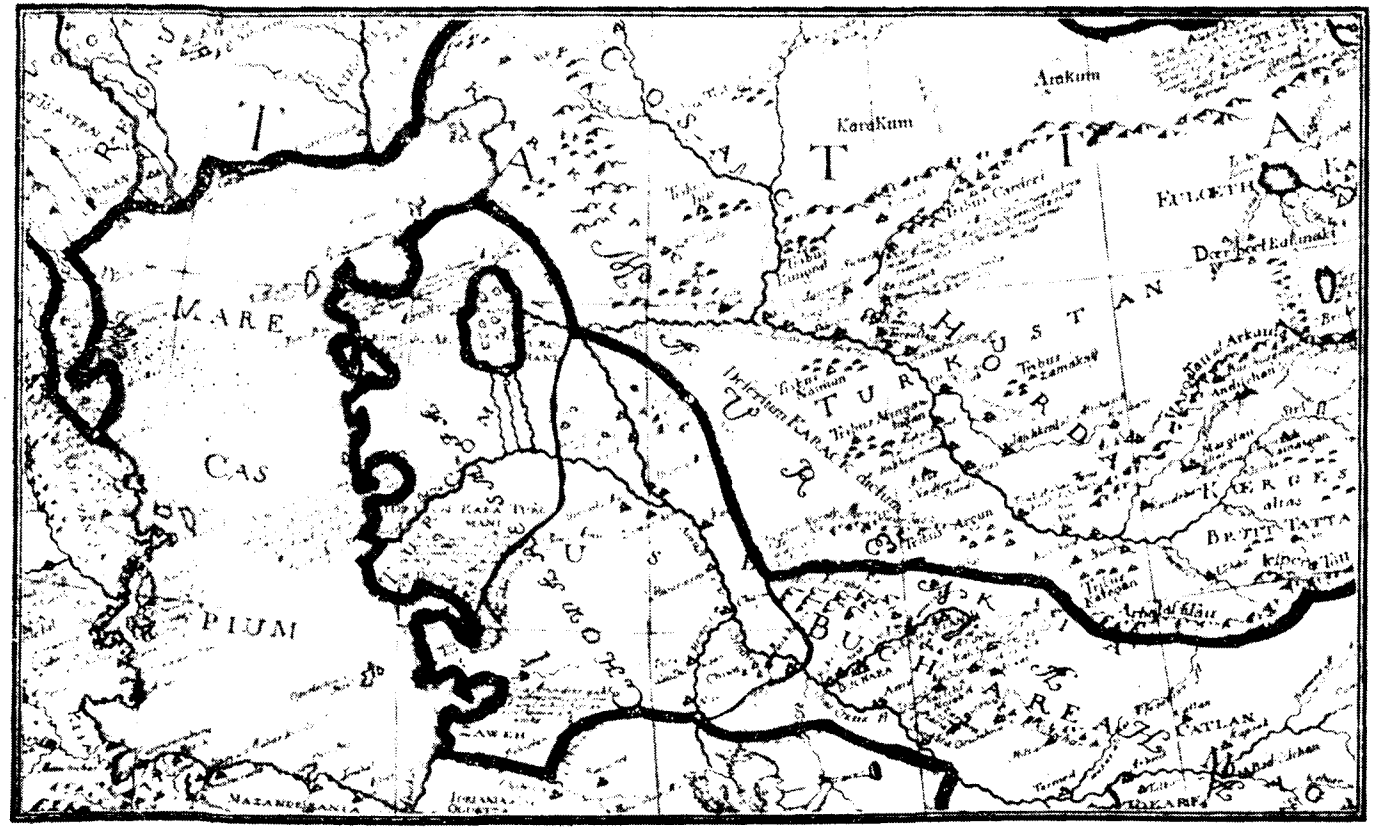

Рис. 1. Среднеазиатская часть карты Страленберга (1730 г.)

свое время Л. С. Бергом карту (рис. 1)[2]. Это карта Средней Азии, составленная в 1730 г. шведом Страленбергом, часть его «Карты Сибири и Великой Татарии». Меня заинтересовала показанная на ней система амударьинских русел и особенно правый безымянный проток Амударьи, направление которого напоминало направление Акчадарьи. На карте Страленберга это русло показано действующим, а не сухим, что никак не вязалось с нашими представлениями о времени действия Акчадарьи.

Карта Страленберга представляет интерес во многих отношениях. На ней показано Каспийское море с тщательно и достаточно достоверно вычерченной восточной береговой линией. С севера в него впадают реки Яик (Урал) и Эмба. Аральское море вытянуто в меридиональном направлении, имеет относительно правильные очертания и названо «озеро Арал». В него впадает с востока Сырдарья с многочисленными правыми притоками. С юга в Арал тремя протоками впадает Амударья (видимо, основное русло), от нее в юго-западном направлении отходит р. Кезелдарья и впадает в Каспий между Карабугазом и Балханским заливом. Справа и слева Амударья принимает ряд притоков, среди которых р. Согд (правый приток) с городами Самаркандом и Бухарой,— бесспорно, современный Заравшан. Справа, выше г. Малый Ургенч, от Амударьи отходит упомянутый выше безымянный рукав. Он тянется в северо-западном направлении и соединяется в нижнем течении с Сырдарьей. Наконец, у Замахшара от Амударьи в юго-западном направлении отделяется сухой проток, который впадает в залив южнее Балханского. Он имеет надпись: «Здесь старое направление реки Аму» и на его северном берегу показан г. Большой Ургенч.

Помимо физико-географической карта имеет политическую и даже этнографическую нагрузку. Вся территория между Амударьей и Каспийским морем названа «Хоразмия», на севере ее составной частью является «Туркоманиа». Междуречье Сырдарьи и Амударьи занимает «Мавренахр», на юге его показана «Бухареа». На Средней Сырдарье помечен «Туркустан», на правобережье Сырдарьи видим надпись «Козачи Орда». Карта насыщена большим числом названий населенных пунктов, причем ее нагрузка заметно увеличивается к востоку от среднего и нижнего течения Амударьи. Есть на карте и этнонимы: каракалпаки, аральцы, племя кунграт и т. д. Кем же был автор этого интереснейшего документа и какова история его создания?

Филипп Иоганн Табберт (впоследствии фон Страленберг — 1676—1747 гг.) в июне 1709 г. попал в плен под Полтавой и прожил в России, преимущественно в Тобольске, 13 лет. Человек он был, видимо, незаурядный. Достаточно сказать, что он являлся ближайшим сотрудником исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта и участвовал в его экспедиции 1721 г.; именно Страленберг открыл исторический труд хивинского хана Абулгази «Родословное древо тюрков».

В бытность свою в Сибири Страленберг встречался с целым рядом интересных людей, в числе которых, кроме Мессершмидта, были русский картограф Семен Ремезов с сыновьями, историк В. Н. Татищев и др. Последний приезжал в Тобольск в 1720 г., где и познакомился со Страленбергом, а потом в 1724—1726 гг. они вновь встретились в Швеции[3].

Много времени и сил потратил Страленберг на сбор материалов для карты. В своей книге он писал: «...я сам с самого начала пребывания в плену в течение нескольких последующих лет трудился над составлением лучшей и более точной карты Сибири и Великой Татарии, неже-

---

[2] Л. С. Берг, Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб., 1908, стр. 53.

[3] Биографические данные о Страленберге даются по книге: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, М.— Л., 1966.

ли те, которые были изданы в Европе до этого...»[4]. Известно, что в Тобольске в 1715 г. им была составлена одна карта, которая якобы пропала во время пожара, и вторая — в 1718 г. Эти материалы впоследствии оказались за границей и были использованы без ведома автора, так как в 1730 г. в предисловии к своей книге, говоря о «Новой карте Северной Азии», приложенной к французскому переводу рукописи Абулгази (Лейден, 1726 г.), Страленберг писал: «...по сравнению с предыдущими картами она более точна, но и с ней дело обстояло бы не лучше, если бы не моими руками жар загребли, т. е. если бы не воспользовались при этом первыми составленными мною для этой части света в 1715 и 1718 гг., но оставленными в России, картами»[5].

Работу над составлением карты 1730 г. Страленберг начал, видимо, вскоре после возвращения на родину (1722 г.), так как уже в 1724 г. он писал: «...я пошел на это (составление карты.— *М. И.*), так как нашел здесь одного достаточно интересующегося этим делом пленного, путешествовавшего по другой части Татарии, который за соответствующее вознаграждение предложил мне свою помощь»[6]. По-видимому, это был капитан Матерн, находившийся вместе со Страленбергом в плену в Тобольске и вернувшийся на родину в 1722 г.[7] В. Н. Татищев, упоминая о получении книги Страленберга, пишет, что ее автор к ней «...ландкарту капитаном Матерном сочиненную, приобсчил»[8]. Издание карты и книги встретило большие затруднения и вышли они в свет лишь в 1730 г. (в Стокгольме и Лейпциге).

Книга Филиппа Иоганна фон Страленберга[9] и особенно приложенная к ней карта давно привлекли к себе внимание исследователей — как современников автора, так и тех, которые впоследствии в том или ином аспекте занимались физической географией, исторической географией, историей и этнографией Сибири и Средней Азии[10].

Большинство современных исследователей, в целом положительно оценивая карту Страленберга[11], указывают на ряд ее недостатков. Нельзя, например, не согласиться с тем, что города на этой карте показаны более чем неточно[12], и поэтому не могут служить ориентиром для выяснения достоверности того или иного участка карты. Неверно нанесена на карту р. Кезелдарья, также неверно показан Зеравшан (на карте он впадает в Амударью). Наконец, по установившемуся мнению, безымянный правый приток Амударьи, соединяющийся с Сырдарьей,

---

[4] Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 78.

[5] Там же, стр. 65—66.

[6] Там же, стр. 45 (Письмо Страленберга к Брэйну от 24 апреля 1724 г.).

[7] Там же, стр. 33, сноска 7.

[8] В. Н. Татищев, История Российская, т. 1, М., 1962, стр. 349.

[9] F. J. Stralenberg, Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, S. 10.

[10] См., например: В. Н. Татищев, Указ. раб., стр. 346, 349; его же, Общее географическое описание всея Сибири, в кн.: В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 46, 47; И. И. Георги, Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches, Bd 1, Königsberg, 1797, S. 52; К. М. Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний, ч. 1, «Зап. РГО», т. III, 1849, стр. 247; П. С. Савельев, Средняя Азия. Обозрение географических открытий и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших. Карманная книжка для любителей землеведения от Русского географического общества, СПб., 1848, стр. 268, 269; П. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, стр. 355 и др.

[11] М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 56; В. Н. Федчина, Как создавалась карта Средней Азии, М., 1967, стр. 55; С. У. Умурзаков, Из истории русских географических и картографических представлений о природе Киргизии (XVII — первая половина XIX в.), «Уч. зап. Киргизского Гос. заочного пед. ин-та, серия история — география», вып. 3, Фрунзе, 1957; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVII в., вып. 1, М.— Л., 1960, стр. 149.

[12] Н. Л. Корженевский, К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII в. «Изв. АН Уз. ССР, серия географическая», Ташкент, 1949, № 1, стр. 51.

считается легендарным [13]. Лишь Р. Л. Югай пытается идентифицировать этот рукав с протоком Сырдарьи — Жанадарьей [14], хотя его направление, как бы трудно определимо оно ни было, совершенно не соответствует направлению Жанадарьи.

Крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд справедливо заметил, что «за редкими исключениями каждая географическая карта, даже если она составлена лицом, лично ознакомившимся с соответствующими странами, представляет крайне сложный документ, в котором соединены данные, относящиеся к самым различным периодам, притом без указания источников» [15]. А между тем, именно выявление источников, которыми пользовался составитель карты, позволяет понять ход его мыслей, понять его удачи и объяснить ошибки. Обращение к поискам источников карты «Великой Татарии» Страленберга и позволило найти пути к разъяснению некоторых ее темных мест.

Известно, что при составлении сибирской части карты Страленберг использовал чертежи Семена Ремезова [16], а также опросные данные и сведения, собранные им самим во время путешествия с Мессершмидтом. С Ремезовым Страленберг был знаком: «Я могу свидетельствовать, что нашел в Тобольске старого художника, который изготовил партикулярные карты всех провинций Сибири и пограничных с ними земель, но он был настолько скрытен и недоверчив, что я получил он него разрешение только посмотреть на карты» [17]. По мнению А. И. Андреева, знакомство Страленберга с Ремезовым произошло уже в 1715 г. [18] и, судя по результатам этого знакомства, Страленбергу удалось не только посмотреть, но и скопировать чертежи Ремезова. Так, к моменту приезда Мессершмидта в Тобольск (24 декабря 1719 г.) Страленберг уже составил несколько карт Сибири, материалом для которых послужили ему, в частности, и чертежи Ремезова [19].

Со среднеазиатской частью карты вопрос обстоит сложнее хотя бы потому, что в Средней Азии Страленберг никогда не был. Тем интереснее был розыск ее источников.

И тут мы вновь должны обратиться к чертежам С. У. Ремезова и особенно к одному из листов «Чертежной книги Сибири» под названием «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи» (1697 г.). На этой карте, ориентированной на юг, Сырдарья и Амударья текут обе в широтном направлении и впадают в Аральское море с востока, причем по Сырдарье показано очень много городов. У западного берега Арала надпись «около моря и на островах люди аральцы», к северу от Сырдарьи, в ее низовьях, показаны каракалпаки. На 113 листе «Хорографической книги», составленной, видимо, тоже С. У. Ремезовым и опубликованной в 1958 г. Л. Багровым, в нижнем течении Сырдарьи надпись: «кочуют по обе стороны Сырта реки каракалпаки на 10 днищах» [20]. Для получения необходимых для чертежей материалов в Тобольской приказной палате, как сообщает сам С. У. Ремезов, были допрошены многие сведущие лица, по показаниям которых было составлено описание пути из Тобольска до Казахской Орды, Бухары и Хивы [21]. Он

---

[13] В. Н. Федчина, Указ. раб., стр. 55; М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 57.

[14] Р. Л. Югай, История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызыл-Кум (с древнейших времен до середины XIX в.), Ташкент, 1966, стр. 184.

[15] Рецензия В. В. Бартольда на книгу Л. С. Багрова («Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря», СПб., 1912), см.: В. В. Бартольд, Соч., т. III, М., 1965, стр. 289.

[16] С. Е. Фель, Картография России XVIII в., М., 1960, стр. 126.

[17] Цит. по кн.: Л. А. Гольденберг, Семен Ульянович Ремезов, М., 1965, стр. 81.

[18] А. И. Андреев, Указ. раб., вып. 2, стр. 43.

[19] М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт, Л., 1970, стр. 21.

[20] В. Н. Федчина, Указ. раб., стр. 40, 41.

[21] А. И. Андреев, Указ. раб., вып. 1, стр. 101.

также использовал данные, собранные «у тобольского города и иных городов, всяких чинов людей, старожилов, ведомцев, бывальцев, выходцов и полонянников русских и иноземцев: бухар и татар и калмыков и новокрещенных...» [22].

Помимо опросных данных Ремезов, по мнению В. Н. Федчиной, использовал для составления своих чертежей карту думного дьяка Виниуса, составленную не позднее 1681 г. (на которой впервые в истории

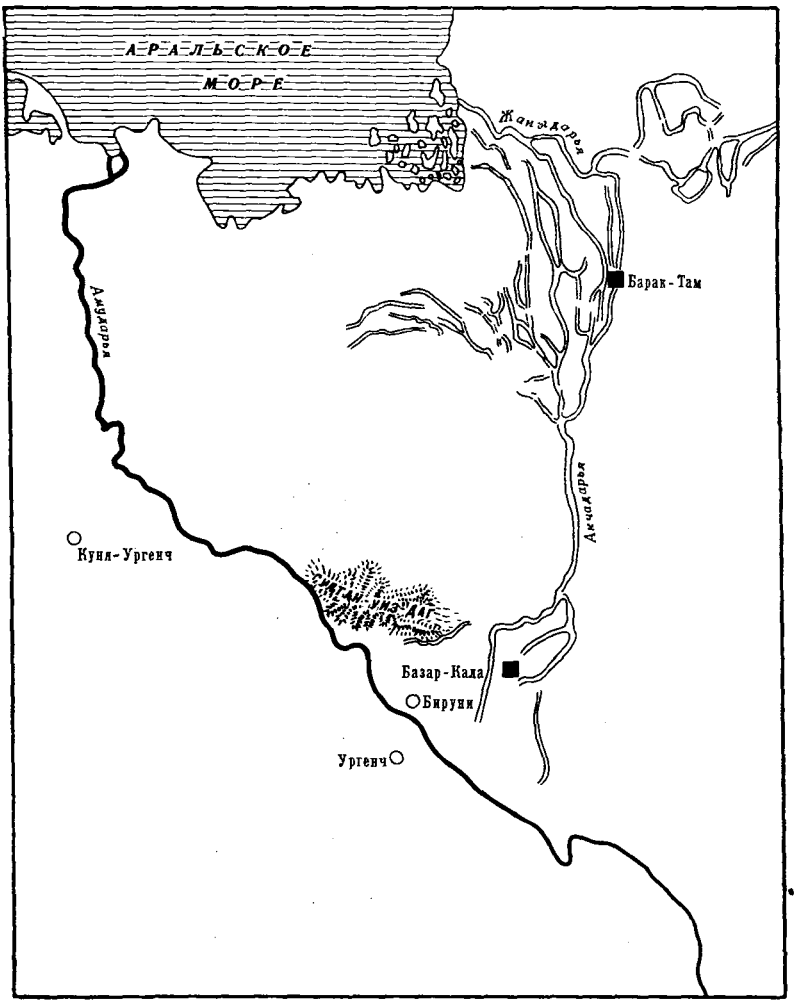

Рис. 2. Схема древних русел Амударьи и Сырдарьи

русской картографии Амударья и Сырдарья изображены впадающими в Аральское море и тоже с восточной стороны), а также данные «Книги Большому чертежу» [23].

Обратившись в свете сказанного к карте Страленберга, нельзя не согласиться с мнением В. Н. Федчиной, которая видит влияние чертежей С. У. Ремезова на эту карту именно в изображении долины Сырдарьи

[22] Там же, стр. 102.

[23] В. Н. Федчина, Средняя Азия на русских чертежах (картах) XVII в., «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 4, М., 1957, стр. 103, 104; ее же, Как создавалась карта Средней Азии, стр. 39—41.

и названиях городов вдоль нее[24]. К этому можно добавить, что на карте Страленберга есть каракалпаки к северу от Сырдарьи и Аральского моря, есть аральцы к западу от последнего.

Другим картографическим источником могли послужить для Страленберга, как думает В. Н. Федчина, карта Каспийского моря Ф. Соймонова (1720 г.) и карта «Усбекской страны» (1723 г.), данные которых были использованы им при нанесении на свою карту Каспийского моря и особенно изображения его восточного берега[25].

Но, пожалуй, самым важным источником послужили для Страленберга опросные данные, собранные им у различных информаторов. Здесь прежде всего следует назвать его соотечественников — пленных шведов. Страленберг писал: «...Я получил сведения от тех людей, которые вместе со злосчастной экспедицией Александра Бековича[26] несколько лет тому назад были на восточном побережье Каспийского моря, а затем вернулись опять в Россию из туркменского и узбекского плена. Среди них было несколько шведов и немцев, которые сообщили мне наилучшие сведения о Каспийском море»[27]. И. И. Голиков подтверждает участие шведских пленных в этом походе: «Бекович набрал в Казани эскадрон шведских пленных, кои добровольно с ним следовать согласились, под начальством пленного же майора храброго Франкенберга, уроженца Шлезского»[28]. Этот же эскадрон драгун упоминается им и тогда, когда речь идет уже непосредственно о печально известном походе 1717 г.[29]

«Есть сведения, что в известной экспедиции князя Бековича в Хиву участвовали многие шведские пленные, которых он принял в службу в Казани и в Астрахани...» — свидетельствует Я. Гротт[30]. Из показаний члена экспедиции Бековича, лейтенанта Кожина, дезертировавшего из нее и отданного за это под суд, известно, что в ее составе был эскадрон шведских драгун в количестве 600 человек[31].

По мнению Я. В. Ханыкова, из четырехтысячного отряда Бековича «значительная часть, вероятно, погибла уже в 1717 г., тем не менее бóльшая половина долженствовала остаться в живых еще долго после того, однако же выходцев из них в Россию было весьма мало»[32]. Таким образом, запись в книге Страленберга, очевидно исторически подтверждается. По-видимому, Страленберг извлек много полезных сведений из общения с местными жителями. Этому источнику информации он придавал большое значение. В своей книге Страленберг писал, что работая над картой он «был вынужден в силу этого поддерживать дружеские отношения как с проживающими в г. Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами, так и с другими татарами-магометанами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию»[33]. Вещественным результатом этих знакомств было приобретение рукописи Абулгази и, видимо, «неизвестно откуда взятые планы городов Бухары и Туркестана»[34], обнаруженные в архиве Мессершмидта.

---

[24] В. Н. Федчина, Как создавалась карта Средней Азии, стр. 55.

[25] Там же, стр. 54, 55.

[26] Речь идет об экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского в Хиву (1717 г.), окончившейся для него и многих из ее участников трагически.

[27] Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, стр. 56.

[28] И. И. Голиков, Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, т. 7, М., 1838, стр. 60.

[29] Там же, стр. 62.

[30] Я. Гротт, О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом, «Журнал Министерства народного просвещения», 1853, № 2, стр. 126.

[31] Я. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, в кн.: Я. Ханыков, Сборник статей о Средней Азии и Отчет Географического об-ва за 1850 г., СПб., 1851, стр. 51.

[32] Там же, стр. 51.

[33] Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, стр. 78.

[34] М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт, стр. 177.

Торговые связи среднеазиатских ханств с Московским государством в XVII—XVIII вв. осуществлялись по трем основным путям. Первый из них шел через Гурьев и далее через Устюрт по большой Хивинской дороге, а от спуска с Устюрта — на юг, по левому берегу Амударьи до Хивы. От Хивы караваны шли к югу до переправы у Чарджоу, а затем в Бухару. Второй путь шел «из Тобольска через казахские степи к Аральскому морю, а от него по Сырдарье до Туркестана, и далее до Бухары по пустыне Кызылкум...» [35]. Третий путь — из Оренбурга через низовья Сырдарьи. Судя по нагрузке карты Страленберга, его информаторам был знаком главным образом второй путь.

Высказав предположения об источниках, использованных Страленбергом для составления среднеазиатской части карты, мы имеем возможность судить о степени достоверности этой карты, а в некоторых случаях и о причине заблуждений ее автора.

По-видимому, устной информации «бывалых людей», собранной и положенной на карту еще С. У. Ремезовым и дополненной сведениями, собранными самим Страленбергом, мы обязаны появлению на его карте не только многих географических названий, но и этнонимов. Эта же информация послужила основанием для нанесения на карту интересующего нас безымянного протока Амударьи, сливающегося в нижнем течении с Сырдарьей и принимаемого нами за Акчадарью.

Хорезмская экспедиция частично обследовала караванную тропу, которая шла из Хивы на северо-восток через колодцы Кокча, Бай-Мурат, Иркибай на Жанадарье, до Казалы (Казалинска) на Сырдарье. Как большинство караванных троп, сохранившихся в пустыне и поныне, она существовала по крайней мере с эпохи средневековья; использовалась она и позднее. Прошедший по ней в 1873 г. зоолог М. Н. Богданов писал, что «этим путем, несмотря на значительные безводные переходы, везется в Казалу из Нового Ургенча и Шах-Абас-Вали (г. Бируни.— *М. И.*) главная масса хлопка, каракульские мерлушки и другие сырые продукты торговли Хивинского оазиса с Россией» [36]. А между тем, эта тропа, если идти по ней из Хивы, пересекает Южную Акчадарьинскую дельту и далее идет по Акчадарьинскому коридору и восточной границе Северной дельты Акчадарьи. Следуя по ней, путешественник встречает на своем пути множество сухих русел, устремляющихся в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях — староречий Акчадарьи. Русла эти подходят к Сырдарье, вернее к ее южному староречью — Жанадарье, и контактируют с ее протоками (рис. 2). Таким образом, возможность получения Страленбергом информации о протоке Амударьи, соединяющемся с Сырдарьей, от людей бывавших в этих местах, вполне вероятна. Но мы знаем, что на карте Страленберга этот проток показан действующим, в то время как доподлинно известно, что ни в XVII в., ни в начале XVIII в. Акчадарья обводнена не была. Кто же ошибся: Страленберг или его информаторы?

В результате исследований Хорезмской экспедиции установлено, что сток сырдарьинских вод по Жанадарье начался не раньше середины I тысячелетия до н. э., когда в Акчадарье воды уже не было. В то же время мы располагаем археологическими материалами, которые убедительно показывают, что высохшие акчадарьинские русла время от времени заполнялись сырдарьинской водой. Так, например, в IV—V вв. сырдарьинской водой орошались поля Баракгамского оазиса, расположенного в северной акчадарьинской дельте [37]. Видимо, на протяжении

[35] Р. Л. Югай, Географические сведения арабских, среднеазиатских и других ученых до XVIII в., в кн.: «История открытия и исследования Советской Азии», М., 1969, стр. 109.

[36] М. Н. Богданов, Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум, Ташкент, 1882, стр. 13.

[37] С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 236—239.

истории процесс этот происходил не один раз; так, по тем же данным, после перерыва в несколько сот лет — с XII по XIV в. Жанадарья была вновь обводнена и сырдарьинская вода могла периодически заполнять акчадарьинские русла в их нижней части. Собранные экспедицией материалы позволили С. П. Толстову предположить, что в этот период главным протоком «сырдарьинской дельты снова стала Жанадарья и именно она составляла ниже г. Отрара русло „Сейхуна" арабоязычных авторов средневековья» [38]. Кстати, и на чертеже С. У. Ремезова, и на карте Страленберга устье Сырдарьи показано южнее места ее современного впадения в Арал. И, если воспринимать Сырдарью на карте Страленберга в ее нижнем течении как Жанадарью, то вопрос о соединении Амударьи и Сырдарьи на его карте значительно проясняется. Известно, что о соединении Сырдарьи с Амударьей писал еще в XV в. Хафиз-и-Абру [39]. Надо полагать, что Страленберг получил определенное количество традиционных сведений, которые он и использовал. Сколь живуча была эта традиция мы можем судить по широко известному в литературе письму члена Амударьинской экспедиции (руководитель Н. Г. Столетов) полковника Л. Н. Соболева к вице-председателю Географического общества, в котором он писал: «Еще в третьем году из разговоров с бухарцами и самаркандцами я сделал предположение, что было время, когда воды Сыра и Аму сливались непосредственно... Даукаринский киргизский султан Назар-хан сообщил мне, что Яны-Дарья (Жанадарья. — *М. И.*), хотя и называется новой рекой, но очень древняя. Тому 1000 лет или 500 (точно не знает), река эта до урочища Каска шла одним руслом. Тут она делилась надвое. Одна ветвь шла к морю (Аральскому. — *М. И.*) через Каракуль и Аксай. Другая на юг, через урочище Кукча, на Шурахану до Амударьи. Эта часть реки ныне засыпана песками... Местами следы русла видны хорошо. Султан видел эти места» [40]. Вторая ветвь реки — это Акчадарья, но направление ее течения (с севера на юг) не соответствует действительности.

К этому же времени относится еще одно утверждение о соединении Амударьи с Сырдарьей, причем занятно, что в числе доказательств автор приводит именно карту Страленберга. При этом он не сомневается в реальности существования протока, соединяющего Амударью с Сырдарьей, и даже делает вывод, что в начале XVIII в., т. е. когда Страленберг работал над картой, этот проток был действующим [41]. По-видимому, мы имеем основание заключить, что версия о соединении Амударьи с Сырдарьей может быть объяснена процессами проникновения вод Сырдарьи (Жанадарьи) в акчадарьинские (амударьинские) русла. Но это еще не объясняет заполнения водой всей Акчадарьи, как показано на карте Страленберга. Как нам представляется, во время сильных паводков на Амударье вода прорывалась по старым акчадарьинским руслам (некоторые из них уже со второй половины I тысячелетия до н. э. использовались как каналы) и затопляла их, заходя довольно далеко к северу. Так, во время сильного паводка 1878 г., принесшего большие разрушения на левом берегу Амударьи, на правом берегу, по сообщению Ф. Старинова (газета «С.-Петербургские ведомости», № 151, 1879), вода прорвалась по протоку южнее Бий-Базара вдоль гор Султануиздаг и, не дойдя до Кок-

---

[38] С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 79.

[39] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в., в кн.: В. В. Бартольд, Соч., т. III, М., 1965, стр. 66.

[40] Л. Соболев, Из письма Л. Н. Соболева к вице-председателю Географического общества. Сел. Чимбай, 1874 г., 30 мая, «Изв. РГО», т. X, вып. 7, 1874, стр. 242.

[41] Л. Ф. Костенко, Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. 1, СПб., 1880, стр. 199.

чи, затерялась в песках[42]. Те же сведения сообщает и Х. Р. Гельман[43]. С другой стороны, известно, что во время больших паводков вода затопляла и один из меридиональных протоков Акчадарьи, юго-западнее Джанбаскалинской возвышенности. Так случилось в средние века[44], видимо, так было и в 30-е годы нашего века, когда вода достигла района Базар-калы[45]. Совершенно очевидно, что подобные паводковые прорывы, повторявшиеся неоднократно в разные исторические периоды, могли создать представление об обводненности Акчадарьи. Достаточно сказать, что такие крупные исследователи, как Н. А. Северцев и А. В. Каульбарс считали, что в районе горы Кокча (крайние восточные отроги Султануиздага) происходит соединение амударьинских вод, текущих с юга, и сырдарьинских, текущих с севера. Только Н. А. Северцев считал, что амударьинская вода устремлялась по меридиональным протокам Акчадарьи от Шурахана к горе Кокча[46], а А. В. Каульбарс думал, что она подходила по широтному акчадарьинскому протоку к югу от гор Султануиздаг[47]. Таким образом, и тот, и другой не сомневались в обводненности Акчадарьи и в соединении Амударьи (Акчадарьи) с Сырдарьей. Думается, что их заблуждение было основано на известных фактах проникновения воды в акчадарьинские русла с юга из Амударьи и с севера — из Сырдарьи.

В свете всего сказанного безымянный проток Амударьи на карте Страленберга теряет свою легендарность, а заполнение его, по воле автора карты, водой не кажется уже таким фантастическим. А может быть Страленберг его никак не назвал именно потому, что одни считали его протоком Сырдарьи, а другие — Амударьи? Кстати, сам Страленберг жаловался на противоречивость сведений, которые он получал от путешественников в Тобольске[48].

Итак, информаторы Страленберга верно сообщили ему о протоке к востоку от основного русла Амударьи, но ввели его в заблуждение, назвав его действующим. Причину их ошибки мы постарались объяснить выше. Теми же обстоятельствами объясняется, видимо, и то, что на карте Страленберга Зеравшан показан впадающим в Амударью, в то время как археологическими исследованиями экспедиции Я. Г. Гулямова установлено, что по одному из его дельтовых протоков — Махандарье сток в Амударью шел в эпоху неолита[49], но не позднее. Кроме того, известно о неоднократных мощных прорывах воды в Махандарью в конце XIX в. и в наши дни[50]. Более того, Наршахи (X в.) пишет о том, что воды Зеравшана доходили до Фараба (берег Амударьи), а Хафиз-и-Абру (XV в.),— что «нижнее течение (Зеравшана.— *М. И.*) иногда во время половодья доходило до Амударьи»[51]. Очевидно, и в этом случае информаторами Страленберга могли быть люди, знавшие эти места и воспользовавшиеся традиционными сведениями. К тому же у Страленберга были и предшественники, которым он мог следовать, так как на всех

[42] См. Г. Гельмерсен, Очерк геологии и физической географии Арало-Каспийской низменности, «Горный журнал», т. IV, 1879, стр. 77.

[43] Х. Р. Гельман, Исследование прорывов реки Амударьи, образовавшихся во время ее разлива летом 1878, «Зап. Кавказского Отд. РГО», Тифлис, 1879, т. X, вып. 3 (приложение), стр. 7.

[44] «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 138.

[45] С. А. Никитин, С. Ф. Песков, Пески юго-западных Кызылкумов, «Труды Каракалпакской комплексной экспедиции 1931—1932 гг.», т. II, вып. 3, М.— Л., 1936, стр. 116.

[46] Н. А. Северцев, О результатах физико-географических наблюдений в Арало-Каспийских степях в 1874 г., «Изв. РГО», т. XI, вып. 3, 1875, стр. 228, 229.

[47] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, «Зап. РГО по общей географии», т. 9, СПб., 1881, стр. 291.

[48] F. J. Stralenberg, Указ. раб., стр. 10.

[49] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана, Ташкент, 1966, стр. 14, 15.

[50] Там же, стр. 15; Э. М. Мурзаев, Средняя Азия, М., 1957, стр. 151, 152.

[51] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Указ. раб., стр. 14.

известных русских картах того времени Зеравшан впадает в Амударью. Причина этой «ошибки», как мне кажется, теперь разъясняется.

Рукопись Абульгази «Родословное древо тюрков», честь открытия которой, как мы знаем, принадлежит Страленбергу [52], оказала известное влияние на карту Страленберга, и ее так же можно рассматривать как один из источников. Думается, что знакомство с сочинением Абулгази привело к тому, что Страленберг нанес на свою карту р. Кезелдарью.

Еще Ленц писал, что Абулгази, ошибочно отождествляя Кызылдарью с Амударьей, в одном месте заставлял ее течь в Арал, в другом — в Каспийское море [53]. Противоречивость этих сведений нашла отражение на карте Страленберга, где как бы соединены эти два варианта. Если иметь в виду, что «Новая карта Северной Азии...», приложенная к лейденскому изданию 1726 г., была составлена на материалах Страленберга, и если сравнить ее с картой 1730 г., можно представить себе пережитые им колебания. На карте 1726 г. Амударья к северу от г. Тук вливается в имеющую до слияния широтное направление Кезелдарью, которая после этого тремя рукавами впадает в Аральское море. На карте 1730 г. получается, что Амударья впадает тремя рукавами в Арал, а в Каспий впадает лишь Кезелдарья. У Абулгази р. Аму за 30 лет до его рождения (в 1573 г.) проложила себе русло, которое, протекая мимо г. Тук, впадало в Аральское море. Из-за этого высохло русло, направлявшееся на запад, на берегу которого стоял Б. Ургенч [54]. Это нашло отражение на карте Страленберга, где Б. Ургенч действительно стоит на сухом русле, а Амударья впадает в Аральское море. Нет только г. Тук, в то время как на лейденской карте 1726 г. он еще помечен.

Река Кызыл упоминается Абулгази в двух случаях, причем каждый раз она находится где-то неподалеку (к северу) от крепости Тук. На карте Страленберга 1730 г. р. Кезелдарья, текущая с востока на запад и соединяющаяся с Амударьей ниже г. Тук, исчезает, но зато появляется Кезелдарья, текущая в Каспий. Здесь можно предположить, что Страленберг использовал и литературную традицию, ибо известно, например, свидетельство Хафиз-и-Абру, что Сырдарья «в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море» [55]. С другой стороны, на карте Гондиуса (1633 г.), где Амударья и Сырдарья впадают в Каспийское море, Сырдарья названа Chesel, olim Jaxartes [56], т. е. Кезел (дарья) или Яксарт. Вся эта путаница в локализации Кезелдарьи нашла свое отражение на карте и в книге Страленберга.

В литературе нового времени есть попытка отождествления Кезелдарьи с южным протоком Сырдарьи — Жанадарьей. Так, В. В. Бартольд приводит выдержку из старой рукописи, заимствованную у М. С. Андреева: «Была в старое время у нас река, называлась она Кызылдарья; ее началом был Сейхун (Сырдарья), перерезывала она Кызылкумы до Джейхуна (Амударья)» [57]. В. В. Бартольд, ссылаясь на Хафиз-и-Абру и Бабура, дает описание направления этой реки (от Дженда к юго-западу), не исключает стока по ней в Арал, но Жанадарьей не называет. Н. А. Северцев же прямо пишет, что «загадочная средневековая Кызылдарья» и есть, видимо, Жанадарья [58]. Этой точки зрения придерживает-

[52] Подробно об этом см.: А. Н. Кононов, История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-гази «Родословная тюрок», «Сов. тюркология», 1971, № 1.

[53] Р. Э. Ленц, Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи, «Зап. РГО по общей географии», т. IV, СПб., 1871, стр. 133.

[54] Абульгази-Бахадур-хан, Родословное древо тюрков (перевод и предисловие Г. С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова), «Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 5, 6, 1905, стр. 261.

[55] Цит. по кн.: В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 66.

[56] Л. С. Берг, Указ. раб., стр. 35.

[57] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 66, сноска 8.

[58] Н. А. Северцев, Путешествие по Туркестанскому краю, М., 1947, стр. 73.

ся в наши дни Э. Мурзаев[59]. Поскольку, как известно, сток по Жанадарье неоднократно возобновлялся и потом прекращался, то противоречивость сведений о Кезелдарье, возможно, объясняется именно этим, и тогда отождествление Кезелдарьи с Жанадарьей вполне вероятно.

Что же касается сухого протока, на котором расположен Б. Ургенч (современный Куня-Ургенч),— это Дарьялык, и его осушение вследствие поворота русла в Аральское море, как об этом пишет Абулгази, вполне объяснимо. В XVI—XVII вв. происходит возрождение оросительных систем Южного Хорезма (после разгрома, учиненного Тимуром), вызвавшее перемещение основного стока вод Амударьи в Арал и усыхание Дарьялыка[60]. Так что здесь Страленберг, следуя Абулгази, не погрешил против истины.

В соответствии с данными Абулгази показан на карте и г. М. Ургенч (современный Новый Ургенч), который был основан Абулгази после запустения Б. Ургенча. Думается, что здесь можно уверенно говорить, что Страленберг использовал рукопись, а не сведения очевидцев, так как г. М. Ургенч на самом деле находился не на правом, а на левом берегу Амударьи, южнее Б. Ургенча. По-видимому, следование тому же литературному источнику привело к неверной локализации гор Шейх-Джели (Султануиздаг) и оз. Ходжи-Куль, которые упоминаются в рукописи Абулгази, но без четких координат. На самом деле и горы, и озеро должны находиться на правом берегу не безымянного протока, а основного русла Амударьи. В свое время Л. С. Берг к числу достоинств карты Страленберга относил наличие на ней именно этих названий, полагая, что сведения о них были получены Страленбергом от очевидцев[61]. Нам представляется более вероятным наше предположение.

Мы уже упоминали о большом числе этнонимов на карте Страленберга. Разбор их не входит в нашу задачу, коснемся лишь тех, которые связаны с интересующим нас регионом. На карте к северу и северо-востоку от Аральского моря показана обширная территория расселения каракалпаков, западная граница которой доходит до Эмбы. Известно, что в XVII — начале XVIII в. каракалпаки селились на Средней и Нижней Сырдарье и назывались в источниках, соответственно, «верхними» и «нижними». При этом, как сообщали послы Петра I к казахскому хану Тауке,— Ф. Скибин и М. Трошин (1694 г.), жили они «сообща» с казахами и принимали участие в их походах[62].

Другим центром расселения каракалпаков в этот период были верховья Яика и Эмбы, где каракалпаки были связаны с ногаями[63]. На карте Страленберга каракалпаки показаны и в низовьях Эмбы, а в основном имеется в виду, очевидно, территория расселения «нижних» каракалпаков, но сдвинутая к северу. Последнее — шаг назад по сравнению с чертежом С. Ремезова, ибо там каракалпаки показаны на обоих берегах Сырдарьи. На Средней Сырдарье они у Страленберга не отмечены, но зато там имеются этнонимы «племя кунграт» к северу от Сырдарьи, и «племя найман» — к югу. Эти и другие племена, показанные на карте в районе Сырдарьи, объединяются под общим названием «козачи орда». Видимо, речь здесь может идти о казахских племенах. Племя кунграт — древнее монгольское племя[64], которое пришло в XIII в. в Среднюю Азию с войсками Чингиз-хана, а в XIV в. входило в число тюркоязычных племен государства кочевых узбеков в Дешт-и-Кипчаке (сырдарьинские степи). После его распада кунграты влились в состав казах-

[59] Э. Мурзаев, Указ. раб., стр. 248, слово «Кызылкум».

[60] «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 201.

[61] Л. С. Берг, Указ. раб., стр. 52.

[62] Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IX, М.-Л., 1950, стр. 12.

[63] Там же, стр. 135.

[64] Для территории Южного Приаралья предполагается домонгольское происхождение этого этнонима.

ских, каракалпакских и узбекских племен, сохранивших это племенное имя. То же произошло и с тюркским племенным объединением найман — они в результате ряда исторических событий вошли в состав казахов и узбеков. Казахские племена кунграт и найман входили в состав Среднего жуза, территория расселения которого охватывала районы Сырдарьи, Каратау, Муюнкумы и степные зоны Центрального Казахстана. Летовки у них были по притокам Тобола, Ишима, Нуры и Сары-Су [65]. На карте Страленберга племя кунграт показано на левом берегу притока Сырдарьи Талаш (Талас?), к западу от него нанесено оз. Телегул с рекой без названия, видимо, Сары-Су, но на этой территории показаны каракалпаки. По более поздним источникам (1785 г.) известно, что в летнее время казахи кунграт доходили до р. Тургая и оз. Телегул [66]. По-видимому, действительно, на карте показаны казахи кунграт, но исключать наличие на Сырдарье в XVII в. каракалпаков с тем же племенным названием, не приходится. Заслуживает внимание название «араллци», помещенное к западу от Аральского моря, фактически на Устюрте. Мы уже писали, что на чертеже С. Ремезова у западного берега Арала была надпись: «около моря и на островах люди аральцы». Эта надпись вполне соответствовала действительности. К началу XVII в. относится появление Аральского владения в низовьях Амударьи и на островах Аральского моря. Оно было образовано переселившимися сюда из Туркестана кочевыми узбеками [67] и играло довольно большую роль в политической истории Хорезма XVII в. Я. Г. Гулямов пишет, что благодаря обильным урожаям пшеницы аральцы имели «возможность большого сбыта товарного хлеба в Мангышлак, Устюрт и в Южный Хорезм» [68]. Может быть, активная роль аральцев в освоении западных торговых путей (Мангышлак, Устюрт), где их могли встречать информаторы Страленберга, и объясняет его ошибку — помещение надписи «аральцы» к западу от Аральского моря. «Земля Аралл» упоминается в примечаниях к французскому переводу Абулгази (1726 г.), где говорится, что это провинция Хорезма, лежащая к берегу Каспийского моря, которая «распространяется от гор Абул Хан (Б. Балханы. — *М. И.*) и от севера старого устья северного рукава реки Аму, которая ныне пересохла (очевидно, имеется в виду Узбой.— *М. И.*) до границ каракалпакских» [69]. Здесь, по-видимому, речь идет о Северной Туркмении, тем более что в тексте далее сказано, что живут там одни туркмены, и что вообще провинция эта гористая, песчаная и неплодородная [70].

Туркмения, действительно, была подчинена Хорезму, что и нашло отражение на карте Страленберга. Там же она и названа уже «Туркомания».

Даже выборочный анализ данных среднеазиатской части карты Страленберга показывает, какой огромный материал содержит она для специалистов самых разных профилей. И особенно это относится к специалистам-этнографам, ибо в этом плане карта Страленберга, мне кажется еще ждет своего исследователя.

---

[65] «Народы Средней Азии и Казахстана» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1963, стр. 326.

[66] Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 119.

[67] См. К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Амударьи, «Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1952, стр. 321 и сл.

[68] Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 196, 197.

[69] «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописные татарския книги Сочинения Абулгази Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северныя Азии с потребными географическими ландкартами», пер. с французского Тредьяковского, ч. 1, СПб., 1768, стр. 429, примеч.

[70] Там же.

MIDDLE ASIA (SOVIET CENTRAL ASIA) IN STRALENBERG'S MAP

The «Map of Siberia and Great Tataria» by Philipp Johann Stralenberg, a Swede who had remained in Russia as a war prisoner after the Poltava Battle, is one of the most interesting cartographic documents from the early XVIIIth century.

The part of this map devoted to Middle Asia, with its ramified hydrographic network, its numerous populated settlements, its great number of ethnonyms, testifies to the extensive cartographic and written sources drawn upon by the compiler, and especially to the use made of oral data collected from people who had visited those regions.

The combined archaeological and geographical investigations carried out by the Khorezm expedition in the areas of the ancient deltas of the Amu-Darya and the Syr-Darya with extensive use of aerial photography have permitted us to outline the changes in the functioning of their various channels and the stages by which these great rivers were harnessed by man to his own use.

The examination of Stralenberg's map from the archaeological-geographical point of view and with consideration of his sources has helped towards a new evaluation of its merits, as well as its real and alleged errors. Thus, for instance, the inclusion into his map of a nameless right-hand channel of the Amu-Darya connected with the Syr-Darya is usually regarded as one of Stralenberg's mistakes. And yet analysis has led us to the conclusion that Stralenberg has not, in this case, erred against the truth: he has drawn in his map a system of channels that actually existed within the ancient delta of the Amu-Darya — Akcha-Darya.